

НАБОКОВ И ДОСТОЕВСКИЙ

Пушкин как символ времени в судьбе России у Достоевского и Набокова

Жданов В.Н.

Судзуки Д.

Пушкин как символ наполнен огромным количеством самых разнообразных значений, обусловленных, как его объективной ролью в истории русской литературы, в создании русского литературного языка, так и многочисленными субъективными устремлениями лиц, в той или иной степени обращающихся к русской литературе, культуре, истории или просто к русскому.

Для русских западников, будь то Белинский или Герцен, как впрочем и для славянофилов, Пушкин был символом русского национального духа, символом пробуждения национального сознания. Консерваторам Пушкин казался гибким охранителем государственных устоев. Так называемые революционные демократы в лице Чернышевского, Добролюбова и Писарева ниспровергали Пушкина как символ так называемого «чистого» искусства. А вслед за ними и футуристы во главе с Маяковским, рассматривая пушкинские стихи как символ классической традиционной и, с их точки зрения, отжившей феодально-дворянской поэзии, призывали сбросить поэта с «корабля современности». Советские литературоведы, увидев в Александре Сергеевиче Пушкине прежде всего певца свободы и вольности, стали представлять его как символ борьбы с тиранией и крепостничеством. Нередко к Пушкину как символу русскости обращались и в политических

спекуляциях. Например, оккупационные немецкие власти, желая показать своё лояльное отношение к русской культуре, готовили к печати в Винницкой типографии книгу стихов Пушкина. А молдавские власти после Перестройки распорядились снести памятник Пушкину в Кишиневе, поскольку он казался им символом русского колониализма.

Для Достоевского и Набокова Пушкин был не просто символом, суммирующим те или иные значительные смыслы, но и судьбоносной путеводной звездой, указывающей путь развития их творчества. Отчасти такого рода судьбоносность возникла из-за того особенного отношения к прошлому, настоящему и будущему России, к её исторической судьбе, которое было в высшей мере присуще как Достоевскому, так, безусловно, и Набокову, несмотря на весь его энергично демонстрируемый аполитизм. В той или иной степени обращение к судьбе России в открытой или в завуалированной форме было характерно для всех больших русских писателей прошлого. Но для Достоевского вопрос судьбы России был наиглавнейшим. Это основной вопрос его публицистики. (В своих художественных произведениях писатель непосредственно не касался этого вопроса, но через создаваемые образы, которые нередко приобретали у него символическую окраску, показывал как духовные ресурсы, могущие определить богоносное будущее России, так и «бесовские» преграды и препятствия, встающие на этом пути.) Решение этого вопроса, вопроса судьбы России, Достоевский прежде всего связывал с именем Пушкина. В речи, произнесённой 8-го июня в заседании «Общества любителей Российской Словесности», он сказал: «Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению тёмной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и

указание».¹

Набоков, на первый взгляд, обходит вопрос о судьбе России, как в художественных произведениях, так и в публицистике, поскольку вопрос этот для него вроде бы уже решён историей. И это решение время от времени проявляется в его произведениях. Например, в романе «Подвиг» он показывает отношение к России профессора Муна. Единственное, что любит профессор русской словесности Арчибальд Мун — это Россия. «Многие не понимали, почему он там не остался. На вопросы такого рода Мун неизменно отвечал: «Справьтесь у Робертсона — (это был востоковед), — почему он не остался в Вавилоне ». Возражали вполне резонно, что Вавилона уже нет. Мун кивал, тихо и хитро улыбаясь. Он усматривал в октябрьском перевороте некий отчётливый конец. Охотно допуская, что со временем образуется в Советском Союзе, пройдя через первобытные фазы, известная культура, он вместе с тем утверждал, что Россия завершена и неповторима, — что её можно взять как прекрасную амфору и поставить под стекло. Печной горшок, который там теперь обжигался, ничего общего с нею не имел».² Также как и профессору Муну, Набокову казалось, что Россия, как социально-культурный феномен, завершена. Но глубинно осмыслить эту завершенность, а тем более преодолеть — исконно русскому человеку невероятно трудно. В своём творчестве, прежде всего в ранних «русских» произведениях, Набоков как бы пробует ещё и ещё раз проверить эту завершенность, обращаясь в первую очередь к Пушкину, главному символу феноменальности русской культуры. Для Набокова, так же как и для Достоевского, Пушкин тоже несёт «пророчество и указание», но лишь подтверждающие необратимую законченность социально-

1 *Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч. в 30 томах.* Т.26. Л., 1984. с.136—137.

2 Набоков В. В. *Собр. Соч. в 5 томах.* Т.3. СПб., 2000. с.144.

культурного феномена России.

Именно поэтому и интересно сопоставить позиции Достоевского и Набокова, как позиции двух антиподов. Несмотря на то, что Набоков родился спустя 20 лет после смерти Достоевского, и они принадлежат совершенно разным социально-историческим эпохам, их эстетические позиции восходят к Пушкину. И если Достоевский, вслед за Белинским, выдвигал на первый план в творчестве Пушкина национальный и социально-исторический аспект, то Набоков ценил Пушкина прежде всего как мастера «искусства для искусства» и никак не мог признать Достоевского как великого писателя именно в силу его социальности.

Все аргументы по развенчанию Достоевского, которые приводит Набоков в своей работе (лекции) «Фёдор Достоевский»³, имеют довольно субъективный и надуманный характер, и их легко опровергнуть. И более того, при внимательном сопоставительном анализе творчества Достоевского и Набокова видно, что Набоков во многом исходит из художественного метода Достоевского, продолжая развивать его, как например в «Соглядатае», имеющем самую тесную и непосредственную параллель с «Двойником». И повесть Набокова «Отчаяние» во многом восходит к поэтике Достоевского. (Это хорошо показано в работе Марианн Гург «Набоков, наследник поэтики Достоевского в повести «Отчаяние»»⁴) Следы Достоевского заметны и во многих других произведениях Набокова. Многочисленные параллели с Достоевским привели исследовательницу Л. Сараскину даже к мысли о своеобразном соперничестве: «Неразрешимая загадка ненависти к Достоевскому коренилась в непостижимой для самого Набокова тайне непризнаваемого и нестерпимого родства: он клеймил своего

³ Набоков В. В. *Лекции по русской литературе*. М., 1996. с.175—218.

⁴ *Достоевский и мировая культура*. Альманах. № 12. М., 1999. с.202—214.

предшественника, как клеймят опасного родственника, чтобы доказать и себе и всему миру беспочвенность и недопустимость любого предположения о близости».⁵

Главная причина нелюбви, на наш взгляд, заключалась в социальной направленности произведений Достоевского, в их подчинённости великим и благородным идеям, в своего рода религиозном социализме Достоевского, независимо от его окраски, будь то фурьеризм, сен-симонизм или православие. Все эти великие идеи для Набокова были игрой с огнём, в котором сгорела его Родина. Отсюда его неприятие литературы идей, главными фигурами которой были для него Чернышевский и Достоевский.

Именно в статье о Пушкине определяет Набоков своё художественное кредо: «Сегодня больше, чем когда-либо поэт должен быть так же твёрд, спокоен и угрюм, как того хотел Пушкин сто лет назад. Порой самый безупречный художник пытается сказать своё слово в защиту гибнущих или недовольных, но он не должен поддаваться этому искушению, так как можно быть уверенным: если дело заслуживает страданий, оно лишь после них приносит неожиданные плоды. Нет, решительно, так называемой социальной жизни и всему, что толкнуло на бунт моих сограждан, нет места в лучах моей лампы; и если я не требую башни из слоновой кости, то только потому, что доволен своим чердаком».⁶

В этих словах огромное значение имеет констатация времени — «сегодня». Писатель постоянно отдаёт предпочтение «сегодня», а не «вчера» (исключая мемуары) и уж совсем не «завтра».

Ещё более очевидной эта причина нелюбви становится после рассмотре-

5 Сараскина Л. *Набоков, который бранится*. В кн. *Владимир Набоков. Pro et Contra*. СПб., 1997. с.570.

6 Набоков В. В. *Лекции по русской литературе*. М., 1996. с.423.

ния концепции времени в вышеуказанных работах Достоевского и Набокова о Пушкине.

Хорошо известно, каким кумиром был Пушкин для юного Достоевского. Смерть Пушкина случилась через два месяца после кончины матери Достоевского. И это двойное горе так его потрясло, что у него вдруг началась странная горловая болезнь.⁷

И вот как пишет другой исследователь, В. Кирпотин: «Юность Достоевского прошла под неизгладимым влиянием двух старших его современников — Пушкина и Гоголя. Мы знаем это из его собственных слов, из писем, из автобиографических заметок, разбросанных по «Дневнику писателя», и по его художественным произведениям. С инкорпорации «Станционного смотрителя» Пушкина в художественную структуру «Бедных людей» начинается творческий путь Достоевского, закончившийся знаменитой пушкинской речью. С именем Пушкина Достоевский вступил на литературное поприще, с именем Пушкина он завершил свой жизненный путь».⁸

8-го июня 1880 года на заседании «Общества любителей Российской Словесности», посвященном открытию памятника Пушкину в Москве, Достоевский произносит свою знаменитую «Пушкинскую речь», ставшую большим событием в интеллектуальной жизни России. Именно в этой речи судьбу России и будущее русской нации он связывает с именем Пушкина, развивая мысль Гоголя, о том, что в Пушкине угадывается русский человек будущего. Определяя основные задачи своей речи, Достоевский выделяет следующие моменты:

1. Пушкин указал своими образами Онегина и Алеко на самое больное

7 Сараскина Л. *Федор Достоевский. Одоление демонов*. М., 1996. с.120.

8 Кирпотин В. *Достоевский и русские писатели*. М., 1971. с.11.

место русского общества — огромный разрыв между высшим слоем русского общества и народом. «Пушкин первый своим глубоко прозорливым и чисто русским сердцем отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом».⁹ И вместе с тем Пушкин, по мысли Достоевского, считает, что «болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной. . . ».¹⁰

2. Пушкин первый дал «художественные типы красоты русской».¹¹

3. Пушкин сумел выразить одну из главных особенностей русской нации, её «способность к всемирной отзывчивости» в понимании других народов.

4. Эта способность — отличительная черта русского народа. Благодаря этой способности, как считает Достоевский, русский народ в будущем может объединить вокруг себя другие народы в единую дружную семью.

В «Пушкинской речи» Достоевский обращается к историческому времени,¹² которое представляется у него совершенно очевидно и однозначно: от славного исторического прошлого, когда Пётр обозначил становление

9 Достоевский Ф. М. *Полн. Собр. Соч. в 30 томах*. Т.26. Л., 1984. с.129.

10 Там же, с.130.

11 Там же.

12 Мы никак не касаемся в этой работе проблемы времени в художественных произведениях Достоевского. Несмотря на то, что к этой теме обращались многие исследователи (М. Бахтин, А. Цейтлин, А. Джонсон, М. Холквист, Р.Белнап, Т. Мотидзуки и др.), она, на наш взгляд, продолжает оставаться малоисследованной областью. Может, отчасти, это произошло под влиянием М. Бахтина, заметившего, что «...Основной категорией художественного видения Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие. Он видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, не во времени». (Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1994. с.38.)

Российской государственности, через Пушкина, как эталона русского духа, к будущему, в котором, благодаря России, возможно осуществление «единения всечеловеческого. . . »

Время в данной концепции линейно восходяще, однонаправленно от прошлого к будущему. В целом её можно определить как национально-патриотическую и даже мифологическую. Благодаря патриотическому пафосу она имела невероятный успех в русском обществе.

Абсолютным кумиром был Пушкин и для Набокова, причём до такой степени, что даже музыка Чайковского к операм «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» и иллюстрации Репина казались Набокову кощунственными, настолько неприкосновенен ему представлялся мир пушкинского гения.

Будучи, как и Пушкин, очень суеверным, Набоков придавал особое значение тому, что родился спустя 100 лет после рождения Пушкина, и видел в этом предзнаменование своей творческой судьбы. Начиная с первого русского романа «Машенька», (его называют «пушкинским», это своего рода «кривое зеркало» «Евгения Онегина») и заканчивая романом «Дар», все русскоязычные произведения Набокова проходят под знаком Пушкина. Набоковеды говорят о «пушкинских весах» Владимира Набокова. Благоговей перед Пушкиным с одной стороны, обыгрывая и пародируя его с другой стороны, Набоков в конечном счёте приходит к осознанию бесперспективности продолжения традиций русской классики в условиях утраты своей России. Отталкиваясь от Пушкина, Набоков становится писателем, вначале русским, и, опять-таки отталкиваясь от Пушкина, становится затем уже вненациональным или интернациональным писателем.

Именно работы о Пушкине, в частности его статья «Правда или правдоподобие», написанная к столетней годовщине со дня смерти Пушкина, стали во многом квинтэссенцией мировоззренческих позиций Набокова.

Время, к которому преимущественно апеллирует Набоков в этой статье — это настоящее время. Обращение к прошлому для Набокова имеет непреходящую ценность, лишь когда речь идёт о своём личном опыте. В этом случае Набоков называет себя «мнемозинист». Вслед за Марселем Прустом он смакует каждый всплеск «утраченного» своего времени. Мемуарное время — это возвращение к утраченному раю детства. (Например, в повести «Другие берега»). Это побег из темницы реального времени.

Если считать, что смысл нашей жизнедеятельности в конечном счёте сводится к борьбе со временем, т. е. к проблеме, как победить время (и продлить себя: именем или семенем, добрыми или злыми делами), то, по логике Набокова, победить наше бытовое время возможно лишь обращением к трансцендентальному, путь к которому лежит через управляемое автором художественное время. Поскольку «прошлое — это ли не кабаре, кабаре в разгар ночи, дверь которого я открываю с нетерпением».¹³

Что же касается объективного исторического времени, то тут Набоков выступает как абсолютный агностик. Вот как он описывает работу биографов-романистов — «Короче говоря, по-моему, то, что делают с гением в поисках человеческого элемента, похоже на ощупывание и осматривание погребальной куклы, такой же, как розовые трупы покойных царей. . . »¹⁴

«Биограф-романист делает те находки, которые ему выгодны, а то, что выгодно ему, как правило, становится едва ли не самым худшим для его героя, и история жизни последнего неизбежно бывает искажена, даже если факты в ней достоверные. . . »¹⁵ Обращение биографов, в частности

13 Набоков В. В. *Лекции по русской литературе*. М., 1996. с.416.

14 Там же, с.415.

15 Там же, с.413.

биографов Пушкина, к прошлому ассоциируется с замкнутым кругом банальных рассказов сумасшедшего, твердящего одно и то же.¹⁶

В концепции Набокова время лишено протяжённости, его отличительная особенность, на которую писатель прежде всего обращает внимание — моментальность. Время — это совокупность моментов прошлого, настоящего и будущего, которые вспыхивают как цветная спираль, которая, по мысли Набокова, одухотворяет разомкнутый круг.

Достоевский как историк и политик, кажется, ошибался, определяя путь истории. Предсказывая, например, революционный крах Европы в противовес российской стабильности. В действительности, как известно, вышло всё наоборот. Вместе с тем его концепция, синтезирующая национальное и интернациональное в развитии русской национальной идеи, ещё очень может пригодиться для создания новейших политических мифологий, стабилизирующих идеологическое пространство современной России. Но, как художник, Достоевский оказался прав — Россия, как всем нам сейчас кажется, оказалась загнанной бесовскими наваждениями на тернистый, опасный и сложный путь, от которого предостерегал ясновидящий Достоевский.

Космополитическая и по-своему вневременная концепция Набокова, предлагающая в каждом временном моменте найти при возможности свой счастливый миг (а именно в этом, по мнению Набокова, и прекрасен Пушкин), несмотря на всю свою элитарность, представляется функциональной в общечеловеческих масштабах.

В настоящее время судьба России в центре внимания всего мира. И эти обращения двух великих русских писателей к Пушкину как символу

16 Там же, с.411—412.

времени, в чём-то определяющем судьбу этой удивительной и великой страны, представляют огромный интерес для понимания наступающего, неведомого для нас всех, XXI века.

Использованная литература:

01. Достоевский Ф. М. *Полное Собрание сочинений в 30 томах*. Т.26. Л., 1984.
02. Набоков В. В. *Собрание сочинений в 5 томах*. СПб., 2000.
03. Набоков В. В. *Лекции по русской литературе*. М., 1996.
04. *Владимир Набоков. Pro et contra*. СПб., 1997.
05. Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1994.
06. Гришин Д. В. *Дневник писателя Ф. М. Достоевского*. Мельбурн, 1966.
07. *Достоевский и мировая культура*. Альманах, No. 12. М., 1999.
08. Кирпотин В. *Достоевский и русские писатели*. М., 1971.
09. Мулярчик А. С. *Русская проза Владимира Набокова*. М., 1997.
10. Сараскина Л. *Фёдор Достоевский. Одоление демонов*. М., 1996.
11. Сердюченко В. *Крайности единства. Достоевский и Чернышевский*. Львов, 1999.
12. Alexandrov Vladimir E. *Nabokov's Other Worlds*. Princeton. 1991.